

США:
ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

АМЕРИКАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО: КРИЗИС ДОВЕРИЯ

© 2018 г. А. Борисова, В. Журавлева

*БОРИСОВА Александра Романовна, научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23
(a-borisova@imemo.ru).*

*ЖУРАВЛЕВА Виктория Юрьевна, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (zhvika@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 18.11.2017.

Чем объясняется противоречивое отношение американского общества к государству, почему большинство граждан считает его неэффективным? Является ли избрание Д. Трампа проявлением кризиса доверия граждан в отношении своего федерального правительства, или же это “системный сбой” электоральной системы, перестраивающейся на рельсы интернет-маркетинга? Чтобы ответить на эти вопросы, авторы обращаются к идейным истокам американского государства – индивидуализму, эгалитаризму, этатизму – и их эволюции.

Ключевые слова: государство, США, противостояние федерального правительства и общества, президент, индивидуализм, эгалитаризм, этатизм, отцы-основатели, социальное государство, “ограниченное” государство.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-88-96

Тезис “американцы не любят свое правительство” широко используется за пределами узкой группы американистов. Он популярен как в средствах массовой информации, так и среди любителей поговорить о международной политике. После президентских выборов 2016 г. по российским каналам прокатилась волна репортажей, рассказывающих в том числе о том, как непопулярно федеральное правительство у американских граждан и как в связи с этим они без должного энтузиазма участвовали в прошедших выборах. Несколько месяцев по радио, телевидению и в прессе обсуждали, как вышло, что Д. Трамп – внесистемный кандидат, не политик, нелояльный к истеблишменту, нетолерантный к женщинам, этническим, гендерным и другим меньшинствам – смог стать президентом. Означает ли это, что американцы просто не захотели видеть в Белом доме женщину – выходца из властных кругов, связанную с политическими элитами страны, или выбор Трампа – это вызов государственной системе в целом? Возможно, пресловутая нелюбовь американских граждан к государству сегодня перерастает в кризис доверия власти?

Действительно, последние десятилетия американцы все больше считают, что федеральное правительство *неэффективно*. При этом недовольны американские граждане своим государством по-разному. Большинство полагает, что

федеральное правительство *вездесуще*, иначе говоря – “*государства слишком много*”. В ходе всего президентства Б. Обамы число таких недовольных, по данным независимого агентства *Gallup*, занимающегося анализом общественных настроений, достигало 60%, за год президентства Д. Трампа цифра снизилась до 55%. При этом число тех, кто считает, что государства “как раз столько, сколько нужно”, колеблется от 39% в начале 2000-х годов до 35% на сегодняшний день. Но есть и те, кто уверен, что федеральное правительство неэффективно, поскольку неспособно защитить граждан от произвола рынка и обеспечить социальное благополучие, то есть – “*государства слишком мало*”. Их число совсем небольшое, но постоянное – 7% на протяжении последних 15 лет [1]. Уверенность в неэффективности неизбежно ведет к отсутствию доверия. Согласно исследованию, проведенному другим независимым центром исследования общественного мнения *Pew Research*, последние 10 лет доверие граждан к федеральному правительству колеблется на уровне 20% [2]. Это рекордно низкие показатели даже для американского государства, доверие к которому, начиная с 70-х годов XX в., редко превышало 40% [2]. Лишь в годы больших национальных потрясений, какой была, в частности, трагедия 11 сентября 2001 г., американцы оказывают своему федеральному правительству массовое доверие и поддержку, которые,

впрочем, довольно быстро возвращаются к стандартным показателям, как только спадает эмоциональный накал.

Отношение американских граждан к своему государству имеет глубокие идейные корни, уходя к трем во многом диаметрально противоположным концепциям — индивидуализму, эгалитаризму и этатизму. Индивидуализм, в духе классического либерализма, воспринимает государство как “необходимое зло”, функции которого должны быть четко ограничены, любые попытки расширить сферу ответственности воспринимаются как посягательство на свободу граждан. Американский эгалитаризм сравни либертарианству — он в принципе отрицает право одного человека осуществлять контроль над другим, и государство в рамках этой концепции, даже самое ограниченное в своих функциях, противоречит свободной природе человека. Этатизм же предполагает создание сильного государства, которое рассматривается как разумное продолжение естественной иерархии, означающее максимальную концентрацию власти в руках управляющего меньшинства.

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ОГРАНИЧЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

Конституция США создала разделенные институты власти, каждый из которых обладает своим четко обозначенным набором функций. Кроме того, каждая из трех ветвей власти выполняет перекрещивающиеся или совместные функции, то есть те, реализация которых невозможна без участия всех или двух из трех властей. Созданная таким образом система сдержек и противовесов считается характерной чертой американского государственного управления и до сих пор остается объектом как восхищения, так и критики. В ее основе лежат гоббсианские представления отцов-основателей американской республики о природе человека. В своем большинстве авторы Конституции были уверены, что люди раздираемы собственными интересами и страстями и вряд ли способны договориться между собой. Джеймс Мэдисон в эссе № 10 “Федералиста” пишет об этом: “Страсть к различным мнениям касательно религии, правительства и тьмы других предметов, равно как различия в суждениях и в практической жизни, приверженность различным предводителям, добивающимся превосходства и власти, или лицам иного толка, чьи судьбы так или иначе привлекают умы и сердца, в свою очередь делят человечество на партии, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более склонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общественного

блага. Предрасположение к взаимной вражде столь сильно в человеке, что даже там, где для нее нет существенных оснований, достаточно незначительных и поверхностных различий, чтобы возбудить в людях недоброжелательность друг к другу и ввергнуть их в жесточайшие распри” [3, с. 80]. Конфликтная природа человека приводит, по мнению авторов американской Конституции, к неспособности людей самоорганизовываться и управлять своими объединениями. Отцы-основатели были уверены, что история свидетельствует о недолговечности любых народных объединений именно в силу неспособности граждан самостоятельно урегулировать противостоящие интересы и подняться над собственным благом ради достижения блага общественного: “Неустойчивость, несправедливость и сумятица в делах, коими заражены общественные представительства, поистине являются смертельными болезнями, повсеместно приводившими народные правительства к гибели...” [3, с. 78].

Это объясняет, в частности, скептическое отношение отцов американского государства к демократии и выбор в пользу республики как наиболее эффективной формы государственного устройства. Дж. Мэдисон писал, например: “исходя из всего сказанного, можно заключить, что чистая демократия, под каковой я разумею общество, состоящее из небольшого числа граждан, собирающихся купно и осуществляющих правление лично, не имеет средств против бедствий, чинимых крамолой... Вот почему демократии всегда являли собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали очень недолго и кончали насильственной смертью” [3, с. 83].

Оставаясь в традициях Гоббса, отцы-основатели были уверены, что преодолеть “войну всех против всех”, объединить людей и научить их жить вместе способно только государство. С этим общим выводом авторы Конституции были согласны. Однако взгляды на это государство у них были разные. Задача перед отцами-основателями стояла действительно непростая. Они хотели создать республику, которая предполагала представительное правление, сохранение общественного контроля над действиями властей и обеспечение свободы граждан, и при этом стремились укрепить союз штатов, создав федерацию. Федерация не была возможна без централизованного общегосударственного правительства, однако оторванность его от жителей каждого отдельного штата нарушала идею республиканского правления. Как сохранить сильную власть в штатах, реализующую идеалы

республиканского правления, и создать сильную центральную власть, обеспечивающую единство новой американской нации?

Мэдисон, исходя из пессимистических взглядов на человеческую природу, был уверен, что единственный способ избежать конфликтов и злоупотреблений во власти, сохранить свободу и союз одновременно — это создать федеральное правительство с четко прописанными и ограниченными функциями, власть в котором будет поделена между тремя ветвями, контролирующими друг друга. По его мнению, “полномочия, предоставляемые федеральному правительству по предлагаемой конституции, немногочисленны и четко определены. Полномочия, сохраняемые за правительствами штатов, весьма многочисленны и неопределенны. Первые касаются прежде всего внешних целей — таких, как объявление войны и заключение мира, переговоры с иностранными державами и внешняя торговля; причем с последней связано главным образом полномочие взимать пошлины. Полномочия, сохраняемые за отдельными штатами, распространяются на все, что при обычном ходе дел касается жизни, свобод и собственности граждан, а также внутреннего порядка, развития и процветания штата” [3, с. 314]. Индивидуалистская концепция государства Дж. Мэдисона предполагала, что государство должно прежде всего обеспечить свободу и благополучие граждан. Таким образом, государство, с одной стороны, должно было защитить людей от *самих себя*, избавив их от постоянных конфликтов и столкновения интересов, а с другой стороны, — защитить их и от *самого себя*. То есть Конституция должна была заложить механизмы как гарантирующие свободу граждан от вмешательства государства, так и минимизирующие распри и злоупотребления внутри самого правительства. По мнению Мэдисона, принцип разделения властей должен был обезопасить государственные органы от конфликтной человеческой природы, а четкое выделение функций создаваемой федеральной власти должно было гарантировать невмешательство государства в сферу жизни граждан и обеспечить их свободу.

Однако другой отец-основатель, Александр Гамильтон, был уверен, что основная задача государства — это эффективность управления. Свобода для него была следствием этой эффективности, а никак не основной целью создания государства. Гамильтон полагал, что обеспечить независимость США может только сильное, централизованное правительство, именно в этом он видел основную цель создания союза, а истинным критерием его эффективности считал “способность и намерение

создать хорошую администрацию” [3, с. 449]. Гамильтон также поддерживал идею разделения властей, однако, в отличие от Мэдисона, основной целью этого механизма он видел обеспечение максимальной эффективности управления, которая достигается, в частности, за счет сильной президентской власти, независимой от законодателей и подконтрольной прежде всего народу. Именно президент олицетворял для Гамильтона силу централизованной власти: “Дееспособность президента — главная черта, которая характеризует хорошее правительство. Это жизненно важно для защиты сообщества от посягательств иностранных держав. И не менее важно для должного функционирования законов, для защиты собственности от незаконных и своевольных объединений, которые иногда мешают отправлению правосудия, для обеспечения безопасности, свободы против интриг и войны амбиций, фракций и анархий” [3, с. 458]. “Составляющие дееспособности президента: во-первых, единство, во-вторых, продолжительность пребывания на посту, в-третьих, достаточные ресурсы для его поддержки, в-четвертых, компетентность власти” [3, с. 459]. Гамильтон был одним из активных сторонников сильной и централизованной исполнительной власти. Сосредоточение исполнительной власти в руках одного человека обеспечивало, по его мнению, единство, которое “неоспоримо порождает дееспособность. Решительность, активность, скрытность и быстрота обычно характеризуют поступки одного человека куда в большей степени, чем действия любой группы людей, а по мере роста ее численности названные качества убывают” [3, с. 459].

Эффективность управления, достигаемая за счет централизации исполнительной власти, должна была также, по мнению Гамильтона, обеспечить “высочайшее доверие” граждан к своему правительству, без чего немыслимо сильное государство. Именно обеспечение поддержки со стороны граждан в первую очередь беспокоило отца-основателя. Этой цели должна была служить, в частности, предложенная им система выборов президента создаваемого государства. Сложная двухступенчатая система избрания американского Президента, так часто называемая российскими средствами массовой информации “недемократичной”, в действительности была создана, чтобы избежать произвола, коррупции и добиться максимальной профессиональности и независимости исполнительной власти: “Особенно желательно максимально сузить возможности для буйства и беспорядков. Выбор нескольких для создания промежуточной коллегии выборщиков потрясет куда меньше сообщество необычными или бурными конвульсиями,

чем выбор одного, который сам по себе будет объектом общественных желаний. А когда избранные в каждом штате соберутся и проведут голосование в выбравшем их штате, находясь далеко и порознь друг от друга, на них окажут значительно меньшее влияние чувства и страсти, которые могли передаваться от них народу, чем если бы они собрались одновременно в одном месте. В равной степени желательно, чтобы непосредственные выборы проводились теми, кто способен проанализировать приспособление качеств к обстановке, действующими в условиях, благоприятных для обсуждений и здравого учета всех причин и побудительных мотивов, потребных для руководства их выбором. Небольшая группа лиц, избранная своими согражданами из большой массы, лучше всего информирована и обладает должной проникающей способностью для этого сложнейшего исследования” [3, сс. 446-447].

Независимость президента от кого-либо, кроме народа, необходимая для достижения максимальной компетентности и беспристрастности федеральной власти, также достигалась благодаря двухступенчатой системе выборов, так как его переизбрание зависело только от “особой коллегии представителей, делегированных обществом с единственной целью сделать этот важный выбор” [3, с. 448]. Компетентный же, сильный лидер, выбранный с участием народа и наиболее прозрачным путем, не мог не пользоваться доверием и уважением граждан, по мнению Гамильтона. “Этот процесс выборов обеспечит моральную уверенность в том, что пост президента в редчайших случаях не займет человек, наделенный в высшей степени необходимыми качествами... Отнюдь не преувеличение сказать, что, по всей вероятности, на этом посту мы всегда будем видеть людей выдающихся способностей и добродетели” [3, с. 449].

Сильное федеральное правительство, по мнению Гамильтона, также должно было гарантировать свободы гражданам, основную угрозу которым представляли вовсе не сильное государство, а столкновение интересов и борьба за власть групп влиятельных людей в штатах. “Дополнительная безопасность республиканского правления, свободы и собственности, связанная с принятием рассматриваемого плана, – по его убеждению, – включает главным образом ограничения, которые сохранение союза налагает на местные фракции и мятежи, на честолюбие влиятельных деятелей в отдельных штатах, могущих приобрести достаточные кредит и влияние от лидеров и фаворитов и превратиться в деспотов над народом...” [3, с. 562]. Гамильтон был уверен, что “нация без

национального правительства – жуткое зрелище”, ибо она неизбежно впадет в анархию или деспотизм [3, с. 567]. К тому же сильное государство, по его мнению, должно было помочь США не просто избегать в дальнейшем национального унижения, подобного тому, которое они переживали после обретения независимости от Великобритании, но занять достойное место на международной арене. Мэдисон также признавал, что первое национальное правительство не пользовалось уважением в мире, однако внешнеполитическое влияние будущего американского государства должно было быть лишь неизбежным следствием достижений федерального правительства внутри союза. Основной задачей Конституции Мэдисон видел предоставление федеральному правительству необходимых средств для обеспечения своей строго ограниченной сферы ответственности, которая включала бы прежде всего защиту прав и свобод граждан. Мэдисон никогда не разделял государственнического видения Гамильтона о “вездесущем” государстве, которое ради достижения экономического процветания и внешнеполитической славы могло вторгаться во все сферы жизни общества. Наоборот, он видел “минимальное” государство, существование которого оставляло бы максимальную ответственность обществу и индивиду.

Однако и индивидуалист Мэдисон, и государственный Гамильтон, а также сторонники обоих лидеров сходились в главном – федеральное правительство было необходимо для сохранения союза, для обеспечения общественного порядка и свободы граждан, конфликтная и честолюбивая природа которых не позволит им мирно жить в самоуправлении. Независимая исполнительная власть, по разным причинам для каждого, была непреложным условием эффективности нового федерального правительства. Общие принципиальные взгляды помогли отцам-основателям договориться вопреки многочисленным идейным разногласиям, которые проявились в общности и обтекаемости некоторых наиболее спорных формулировок Конституции, а также в двоякой идейной природе американского государства.

Федеральное правительство, действительно, функционировало в строго ограниченных Конституцией рамках на протяжении еще почти столетия. Гражданская война стала первым чрезвычайным событием в истории США, предоставившим государству возможность расширить сферу своей ответственности. По сути, произошло именно то, о чем говорил Мэдисон – “деятельность правительства приобретает широкий размах и значение во времена войны или другой опасной ситуации...”

[3, с. 314]. Начало расширению полномочий федерального правительства положили поправки к Конституции, отменившие рабство и предоставившие бывшим рабам гражданские права. В дальнейшем оно продолжило распространять свое влияние на все новые области, такие как торговля, транспорт, промышленность, здравоохранение, жилищное строительство, защита окружающей среды. Соответственно росту ответственности множились и сами правительственные институты, и их бюджет. Только за 1877–1901 гг. федеральные доходы выросли с 239 до 694 млн долларов. В 1913 г. была принята XVI поправка к Конституции, которая разрешила Конгрессу вводить и взимать налоги без распределения их между штатами, узаконив, таким образом, федеральный подоходный налог. Дополнительный источник дохода в свою очередь позволил правительству продолжить свой рост. Стали создаваться новые федеральные учреждения. Так, в 1913 г. была создана Федеральная резервная система, в 1924 г. – Федеральное бюро расследований. А потом наступила Великая депрессия, которая, как и предыдущие “опасные ситуации”, способствовала росту ответственности федерального правительства и государства в целом, на этот раз – за счет увеличения числа социальных программ. В 1933 г. была создана Федеральная корпорация страхования вкладов, в 1934 г. – Корпорация финансирования восстановления. В 60-е годы XX в., в период построения государства всеобщего благосостояния, численность федеральных служащих выросла почти до 3-х млн человек.

Сегодня, как утверждает эксперт Института Катона (*Cato Institute*) Роджер Пилон, численность федерального правительства равна населению штата Канзас, а его ежегодный бюджет равен национальному доходу Великобритании [4, р. 1.]. Законопроекты, принимаемые федеральными властями, регулируют практически все сферы жизни американских граждан. Отцы-основатели представляли себе гораздо более ограниченное правительство, однако, по всей видимости, предусмотренная Конституцией структура федеральной власти не смогла предотвратить создание государства, могущество и “вездесущность” которого значительно превосходит те рамки, на которых настаивал Мэдисон, и даже, наверное, Гамильтону было сложно представить такую всеохватность и мощь.

Интересно, что, как показывают опросы общественного мнения, граждане, несмотря на недовольство институтами власти, не готовы отказать от большинства социальных программ, ими проводимых. Однако последнее десятилетие

военных кампаний и экономических сложностей, приведшее к очередному разрастанию федерального бюджета и численности федеральных программ, обострило противостояние в обществе между этатистами и индивидуалистами, а также заставило вспомнить, что у истоков американского государства было и третье идейное течение – эгалитаризм.

ОТ ТОМАСА ПЕЙНА ДО “ДВИЖЕНИЯ ЧАЕПИТИЯ”

Среди американских колонистов, ставших впоследствии гражданами новой республики, скептические и настороженные настроения в отношении государства преобладали. Однако наряду с индивидуалистами, которые, как Дж. Мэдисон, верили, что государство можно “обезопасить”, ограничив его функции, были и сторонники более радикального подхода. Эгалитаристы принципиально подвергали сомнению право одного индивида осуществлять власть над другим. Любая властная структура, будь то государство или церковь, рассматривались в рамках эгалитаристской идейной концепции как нарушение свободы индивида. Единственной формой общественной организации, приемлемой для них, была коммуна, предполагающая коллективное соуправление и отсутствие иерархии и подчинения.

Томас Пейн – яркий представитель американских эгалитаристов – посвятил все свое творчество, деятельность и жизнь критике власти, особенно государственной. Для него, как и для других радикалов, наиболее близкое к идеалу общественное устройство могла установить Конституция штата Пенсильвания 1776 г. [5]. По этому документу, исполнительная власть принадлежала не губернатору, а совету из 12 человек, которые должны были реализовать решения, принимаемые избранными представителями населения штата. Более того, они так же, как законодатели, зависели от воли граждан, поскольку избирались непосредственно населением штата. Одна треть совета переизбиралась ежегодно. Законодатели избирали в этом совете председателя, функции которого ограничивались именно председательством в этом совете.

В отличие от Мэдисона, Гамильтона и большинства отцов-основателей, Т. Пейн, как и другие эгалитаристы, не считал, что причина общественных беспорядков и деспотии – в конфликтной природе человека. Эгалитаристы вслед за Руссо полагали, что человек добр и хорош по своей природе и не нуждается ни в каких

механизмах контроля. Более того, именно властные институты портят людей и заставляют их забыть о своей природе. И вернуться к ней, по мнению Т. Пейна, можно только отказавшись от подавляющих и поработавших институтов. Безусловно, Конституция, принятая отцами-основателями, и новое американское государство никак не соответствовали эгалитаристской концепции общественного устройства. Вряд ли на этой концепции вообще можно построить современное государство, тем более такое территориально обширное, как США. Но идеи эгалитаризма сохранились и находят самое разное проявление в современной политической жизни Соединенных Штатов.

Одним из последних примеров можно назвать нашумевшее в годы правления демократа Б. Обамы *Tea Party movement* (“Движение чаепития”). Оно возникло в 2008 г. на волне общественного недовольства действиями федеральных властей по выводу страны из экономического кризиса, а в 2010 г. обеспечило победу Республиканской партии на промежуточных выборах в Конгресс, повысив тем самым число консервативных республиканцев среди конгрессменов, что серьезно осложнило взаимодействие президента-демократа с законодательной властью. Сторонников этого движения принято называть правыми консерваторами или даже религиозными консерваторами. Но 10 лет его существования показали, что они гораздо больше обеспокоены фискально-экономическими вопросами, чем морально-этическими, в отличие от религиозных консерваторов. В центре их внимания находилось снижение федерального долга и федеральных расходов, налоговая реформа и сокращение федерального правительства в целом и уже во вторую очередь – аборт и однополые браки.

“Движение чаепития” – это, скорее, проявление тех самых идей эгалитаризма или либертарианства, которые также свойственны американскому обществу, как индивидуализм и этатизм, но в отличие от первых двух, в силу своего радикального антигосударственничества оказались вытеснены из официального политического спектра, представленного всего двумя политическими партиями. Само появление этого движения свидетельствует о том, что идейная радикализация Демократической и Республиканской партий привела к серьезному расширению спектра независимых избирателей, взгляды которых не представлены правящими партиями. В последующие годы кризис доверия усилился.

В ПОИСКАХ ПЕРЕМЕН

Унаследованные идеалы отцов-основателей на практике предполагали “ограниченное” государство, которое минимально участвовало в жизни граждан. Американская Конституция четко ограничила не только функции различных институтов власти, но и сферу активности государства в целом. Фактически американцы стремились воплотить в жизнь идею “ночного сторожа”, функции которого сводились к обеспечению безопасности людей. Однако меняющаяся реальность бросала все новые и новые вызовы, ответом на которые становилось постепенное расширение полномочий американского федерального правительства.

Первые признаки “социального” государства появились в США в годы Великой депрессии. Правительство было вынуждено взять на себя функции, направленные на поддержание существования наиболее пострадавших от кризиса слоев населения. Так появились первые социальные программы. Они не только не прекратили свое существование с окончанием кризиса, но и легли в основу большого проекта “государства всеобщего благосостояния”, который начал реализовываться в 60-е годы XX в. С тех пор американское государство уже никогда не возвращалось к своим изначальным “ограниченным” размерам.

Теракты 11 сентября 2001 г. и международный финансово-экономический кризис 2008–2011 гг. стали новыми вызовами американской политической системе и были использованы федеральным правительством для укрепления своих социальных функций, расширения сферы ответственности. В конце концов, степень вторжения в жизнь граждан поставила под вопрос реальность существования “ограниченного” государства и соответствие современных США традиционным политическим идеалам. Это обострило конфликт общества и власти, обычный для американской политической системы, и породило раскол как внутри общества, так и в структурах управления. Радикализм, ставший одной из характерных черт современного политического процесса, серьезно осложняет достижение поставленных каждой новой администрацией задач и провоцирует постоянное недовольство общества федеральной властью.

К осени 2016 г., по оценкам *Gallup*, американцы назвали недовольство властью второй по величине национальной проблемой [6]. Когда Д. Трамп приступил к исполнению своих обязанностей в январе 2017 г., четверо из 10 американцев заявляли в опросах, что напуганы перспективой его правления. Каждый шестой гражданин США

использовал лозунг “Не мой президент”, регулярные демонстрации в крупных городах в основном собирали молодое, образованное, белое, демократическое население, меньшинства различного толка, представителей культуры и искусства. 84% избирателей считали Трампа легитимным президентом [7], но кампания #stoptrump стала самой популярной в социальных сетях.

И дело было не столько в том, что Х. Клинтон и Д. Трамп оказались одними из самых непопулярных претендентов на роль президента за всю историю, а в том, что американское общество позволило таким кандидатам вообще появиться в политическом пространстве и тем более — победить. Этот социальный протест и недоверие к системе можно проследить восемью годами ранее, когда огромные надежды возлагались на молодого, амбициозного афроамериканца Б. Обаму. Американское общество поверило тогда, что, если довести до апогея собственную толерантность, это поможет государству, наконец, умерить свои аппетиты, вернуться хотя бы в рамки полномочий “до 11 сентября”, до “Доктрины Буша”¹. И если в 2008 г. граждане надеялись на трансформацию, то к 2016 г. разочарование достигло такого масштаба, что они возложили на президента Трампа миссию разрушить до основания устоявшиеся правила, очистить федеральное правительство и вернуть его к первоочередным функциям, заложенным отцами-основателями. Но бравирующий своими радикальными заявлениями Трамп оказался ограничен прописанной в Конституции системой сдержек и противовесов, которая означает не только участие президента и Конгресса в совместной выработке политики США, но и защиту каждой ветви власти от посягательств другой. С одной стороны, это обеспечивает политической системе страховку на случай прихода радикального кандидата, каким выглядит Трамп, а с другой стороны, она оказывается защищенной от резких изменений, даже если на них есть социальный запрос, как произошло в случае с избранием и продвижением его политических инициатив.

В то же время трансформация мирового порядка породила новые виды вызовов и угроз, для борьбы с которыми необходима как политическая воля и кооперация на национальном уровне, так и международная платформа для дискуссий. Выработка принципов сотрудничества внутри

американского государства, которое не принимает избранного президента ни на уровне истеблишмента, ни на уровне гражданского общества, вот уже год блокирует его работу и на этом направлении. Борьбу с вызовами нельзя “поставить на паузу”, пока не появится более “сговорчивый” лидер. И международному сообществу, и американскому истеблишменту приходится искать точки соприкосновения с избранным президентом, чего не заставишь делать общество, которое разделилось на тех, кто “за” и кто “против” — то есть не готово на компромисс, еще больше раскручивая спираль политического радикализма в партийных рядах.

Несмотря на относительное благополучие последних десятилетий, фундаментальные проблемы американского общества не исчезли, а, скорее, отошли на второй план, скрылись под маской толерантности и других западных ценностей, которые при ближайшем рассмотрении отличаются от своих европейских аналогов. Социальные протесты, возникавшие в США на протяжении всего первого года правления Д. Трампа, являются отражением практически каждой из накопившихся проблемных тем: расовой, этнической, гендерной, социальной.

В идейно расколотых Соединенных Штатах граждане пытаются вновь пересмотреть условия “расового перемирия”, реализованного государством, осознать, как далеко распространяется священное “Мы — народ” [8], и кого в это понятие можно включать, в очередной раз переосмысливая концепцию “плавильного котла”. Далеко не все с энтузиазмом разделяют государственную политику привлечения дешевой рабочей силы из Мексики и Китая, либеральные ценности расового и гендерного равенства. За маской толерантности скрывается уверенность, что социальная политика, проводимая федеральным правительством с 70-х годов XX в., разрушает идентичность, подрывает традиционные нормы и экономическую безопасность в стране. Страх и неприятие “чужих” толкает консервативную и религиозную часть общества прочь от либеральных ценностей, пропагандируемых Демократической партией. К этому добавляется и чисто прагматическое нежелание отдавать свои налоги на содержание неимущих членов общества. У либеральной же части населения своя правда: консервативное большинство, контролирующее федеральное правительство, тащит Америку назад в “средневековое прошлое”, нарушая основной принцип, заложенный в Конституции, — “право каждого на счастье”.

Впрочем, электорат Д. Трампа и тех, кто не готов признать его своим президентом,

¹ “Доктриной Буша” называют весь комплекс внешнеполитических и внутриполитических законов, принятых администрацией Буша в ответ на теракты 11 сентября 2001 г., в том числе “Патриотический акт” и Стратегию национальной безопасности 2002 г.

едины в своем желании следовать “американской мечте” — честно трудиться и получать по заслугам. Этой же логики должно, в их понимании, придерживаться и государство. Однако вместо того, чтобы гарантировать безопасность и вызывать чувство гордости, политика федерального правительства становится предметом общенационального стресса и шоу со знаком “минус”. Фактически трансформация, которую переживает американское государство уже несколько десятилетий, сегодня все чаще противоречит тому, как сами граждане воспринимают себя и свою страну. В итоге некогда консолидированная, объединенная своей “мессианской” ролью Америка, сегодня вновь в поисках себя и своего “идеального” государства.

* * *

Усиленное партийной радикализацией традиционное соперничество между ветвями власти в США сегодня сопровождается противостоянием между государственной системой и обществом. Идеальный раскол становится ключевой характеристикой на всех уровнях — политическом, экономическом, культурном, психологическом, причем он достигает такой силы, что спровоцировать

социальные всплески становится проще, чем попытаться разрешить назревшие фундаментальные вопросы. Кризис доверия, которое переживает американское государство, чреват тем, что в ответ на вызовы нового технологического уклада и глобализирующейся экономики государство рискует превратиться для его граждан в ненужный и отживший бюрократический аппарат.

В этих условиях американскому федеральному правительству необходимо сосредоточиться не на наращивании собственной мощи, не на соперничестве за раздел полномочий и даже не на борьбе с “инородным элементом” в лице Д. Трампа, который рано или поздно покинет свой пост, а на поиске оптимального баланса между запросами электората, новыми социально-экономическими и международно-политическими условиям и теми идеалами, которые сделали Америку великим государством и обществом.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 151830069 “Кризис миропорядка: ответы экспертного сообщества”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Swift A. Majority in U.S. Say Federal Government Has Too Much Power. *Gallup News*, 05.10.2017. Available at: <http://news.gallup.com/poll/220199/majority-say-federal-government-power.aspx> (accessed 22.01.2018).
2. Public Trust in Government: 1958–2017. *Pew Research Center*, May 2017. Available at: <http://www.people-press.org/2017/05/03/public-trust-in-government-1958–2017/> (accessed 24.01.2018).
3. *Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея*. Москва, Весь мир, 2000. 590 с. [The Federalist Papers. A Collection of Essays Written by Alexander Hamilton, James Madison and John Jay. Moscow, Ves' Mir, 2000. 590 p. (In Russ.)]
4. Pilon R. The United States Constitution: from Limited Government to Leviathan. *Economic Education Bulletin*. Published by American Institute for Economic Research. Great Barrington, Massachusetts, 2005. Available at: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/articles/CT05.pdf> (accessed 22.01.2017).
5. *Constitution of Pennsylvania*. September 28, 1776. Available at http://avalon.law.yale.edu/18th_century/pa08.asp (accessed 22.01.2017).
6. J. M. Jones, F. Newport and L. Saad. How Americans Perceive Government in 2017. *Gallup*, November 1. 2017. Available at: http://news.gallup.com/opinion/polling-matters/221171/americans-perceive-government-2017.aspx?g_source=link_NEWSV9&g_medium=SIDEBOTTOM&g_campaign=item_221546&g_content=How%2520Americans%2520Perceive%2520Government%2520in%25202017 (accessed 22.01.2018).
7. J. Jones. In U.S. 84% Accept Trump as Legitimate President. *Gallup*, November 11. 2016. Available at: <http://news.gallup.com/poll/197441/accept-trump-legitimate-president.aspx> (accessed 22.01.2018).
8. The Constitution of the USA. Available at: https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm#preamble (accessed 22.01.2018).

AMERICAN STATE: THE CRISIS OF TRUST*(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 5, pp. 88-96)**Received 18.11.2017.**Alexandra R. BORISOVA (a-borisova@imemo.ru),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.**Victoriya Yu. ZHURAVLEVA (zhvika@imemo.ru),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.**Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no. 151830069 "World Order Crisis: Expert Community Answers".*

Why do not American people like their government? What does it mean? How Donald Trump happened to come up on the U.S. political stage, and does it stem from the general discontent of the people? To answer these questions, the authors of the article turn to intellectual origins of the American state, namely to the concepts of individualism, egalitarianism and etatism. Basically, when one says that Americans dislike their government, one means that people are dissatisfied either with the fact that there is too much government in their everyday lives or, vice versa, that their government cannot protect them, and its engagement is not enough. The authors explore prominent works of such thinkers as T. Hobbs, A. Hamilton, J. Madison, J. Jay, T. Pain, etc. to understand why American Founding Fathers have created such a system of checks and balances – to protect the people from the government or to protect the government itself from decay and degradation to the mob rule? How did they come up with the idea of Republic, and could they imagine to which extent the Federal government would broaden its authority only 100 years later? Starting from abolition of slavery, and later, the Great Depression established the course on the Welfare State building, and the Federal Government staff has grown up to three million people, broadening its capabilities by creating new Federal institutes. Since then, the power of the Federal Government has never come to the level the Founding Fathers designed it. Such a trend has spiraled into a situation when a part of the American electorate is always dissatisfied that they have to pay too much of taxes, go to wars, sponsor other countries' safety programs and help to build democracy abroad, so to say, that the State is regulating too many aspects of their lives, whereas the other part of nation feels not protected enough, first and foremost, economically. During the last 15 years, that dissatisfaction has been growing so dramatically, that American people who brought B. Obama to the White House with great expectations for changes, turned to be disillusioned and chose D. Trump, hoping that a non-politician will be able to break the pattern. People are very tired of the Government which lives torn from the society and its needs, which has turned the sacred election process into a show "with dirty laundry". The whole "Russian intrusion" hysteria as well as numerous social protests that have been shaking the United States since Trump has come into power, are now aimed at one thing – blocking the normal working process in the Government. And the Democrats who are in charge of all this, together with some Republicans, who cannot bear D. Trump's leadership style, will sooner or later also face the need to make a compromise with their electorate. Will people accept the new conditions, or will they prefer to get rid of the State itself? It is an open question, because that is how America was designed by the Founding Fathers.

Keywords: State, USA, standoff between federal government and society, President, individualism, egalitarianism, etatism, Founding Fathers, social state, "limited" state.

*About authors:**Alexandra R. BORISOVA, Research Fellow, Center for North American Studies.**Victoriya Yu. ZHURAVLEVA, Candidate of Political Sciences, Head of Section for Foreign and Domestic Policy Studies, Center for North American Studies.***DOI:**10.20542/0131-2227-2018-62-5-88-96